

Цзин Вэй взял чай, сделал глоток и вдруг усмехнулся.

— Они говорят, что Сы не имеет права на трон?

Бам! — Цзин Вэй ударил чашкой о стол.

— Эти безродные ублюдки осмеливаются зариться на то, что принадлежит Сы!

Цзин Вэй не любил, когда вокруг него много слуг, поэтому в Чертоге Тайхэ находились только он и главный евнух.

Тем не менее, услышав, как император раскрывает дворцовые тайны, главный евнух побледнел и упал на колени.

— Ваше Величество, такие слова больше нельзя произносить!

Цзин Вэй взглянул на него, видя, как тот покрывается холодным потом, и небрежно махнул рукой.

— Встань, впредь буду осторожнее.

Главный евнух вытер пот и, дрожа, поднялся.

Цзин Вэй взглянул на небо. Уже наступил вечер.

— Ваше Величество, подать ужин?

— Да, отправляйтесь в Восточный дворец. Я поужинаю с Сы.

Когда императорский кортеж остановился у ворот Восточного дворца, кровавый закат уже сменился вечерней тьмой.

Глядя на небо, Цзин Вэй беспокоился. Сегодня министры задержали его надолго, и он пропустил время ужина. Не знал, поел ли его малыш.

Как только он подумал об этом, маленькая фигурка выбежала из дворца и бросилась в его объятия. Наследный принц, которого император игнорировал несколько дней, обнял его ногу и жалобно сказал:

— Отец.

Из-за своей сдержанности он не мог сказать больше, но держался за ногу Цзин Вэя, не желая отпустить.

Цзин Вэй, сердце которого сжалось от боли, поднял его и поцеловал в щеку.

— Сы, что случилось?

Цзин Сы покачал головой, его густые ресницы дрогнули.

— Соскучился по отцу.

Цзин Сы никогда не видел свою мать, но Цзин Вэй относился к нему с такой любовью, что он не чувствовал себя обделённым. В последние дни в столице царил хаос, а в провинциях

начался голод, поэтому Цзин Вэй несколько ночей провёл в императорском кабинете, и только сегодня днём у него нашлось время навестить сына.

Но тогда Цзин Сы спал и не знал, что он приходил. Для него прошло несколько дней без встречи с отцом. Хотя Цзин Вэй не появлялся, драгоценности и подарки продолжали поступать в Восточный дворец, но для Цзин Сы они были пустыми вещами, которые не могли заменить ужин с отцом.

Услышав жалобный голос сына, Цзин Вэй почувствовал одновременно и боль, и удивление.

Боль от того, что он был занят государственными делами и пренебрёг им, а удивление — от того, что этот зрелый не по годам принц вновь проявил детскую нежность.

На его красивом лице появилась искренняя улыбка. Цзин Вэй посадил Цзин Сы на руку и, неся его во дворец, шутливо сказал:

— Сегодня днём я приходил к тебе, но ты спал под камфорным деревом на каменном столе, как маленький поросёнок.

Цзин Сы, несмотря на свою зрелость, всё же был ребёнком. Услышав, что отец называет его поросёнком, он надулся и стал вырываться.

— Если отец держит на руках поросёнка, это подрывает его авторитет. Лучше отпустите меня.

Цзин Вэй рассмеялся, и, услышав его смех, лицо Цзин Сы стало ещё мрачнее. Он почувствовал, как его щёку слегка ущипнули, и всемогущий император сдался, мягко сказав:

— Отец извиняется, хорошо? Не сердись, Сы.

Цзин Сы мысленно фыркнул, но, несмотря на нежелание легко прощать, его слова были искренними.

— Отец, больше так нельзя.

В мире едва ли найдётся кто-то, кто осмелится сказать императору «нельзя».

Цзин Вэй не обиделся и с покорностью согласился.

Войдя внутрь, они увидели стол, полный еды, которая ещё не была тронута. Без Цзин Вэя аппетит Цзин Сы ухудшался, и слуги должны были напоминать ему несколько раз, прежде чем он начинал трапезу. Поэтому, хотя время ужина уже прошло, блюда только что были поданы.

Отец и сын сели рядом и насладились трапезой.

После ужина, по традиции, Цзин Вэй оставался в Восточном дворце, и слуги начали готовить всё для вечернего туалета.

После умывания Цзин Сы устроился на руках у отца, слегка свернувшись калачиком, и смотрел на него большими глазами, полными ожидания.

Цзин Сы плохо спал, и, чтобы успокоить его, Цзин Вэй начал рассказывать сказки на ночь. Это стало одним из любимых занятий принца.

Цзин Вэй погладил его по голове, задумавшись.

— На чём мы остановились в прошлый раз?

Цзин Сы хорошо помнил.

— На том, что нелюбимый принц был оклеветан старшим братом, но смог инсценировать свою смерть и сбежал из дворца.

Цзин Вэй кивнул, его глаза опустились.

— Принц был отравлен и не мог далеко уйти. Он упал без сознания у городского рва, думая, что всё кончено.

Его губы изящно изогнулись, а в глазах появилось воспоминание.

— Но, очнувшись, он оказался в незнакомой долине, полной редких цветов и трав, где повсюду витал аромат лекарственных растений...

Его голос становился всё тише и тише, пока не исчез совсем.

Ночной ветерок приподнял край занавески, и прекрасный император, держа на руках маленького принца, погрузился в глубокий сон.

Бай Хэн мельком взглянул на них, встал, чтобы закрыть деревянное окно, а затем подошёл к ярким фонарям и задул их, оставив лишь несколько снаружи, которые отбрасывали слабый свет на занавеску.

Пока здесь царил покой, в другой части дворца разворачивалась драма между матерью и сыном.

Цзин Ни схватил слабую руку евнуха и швырнул его на пол. Голова евнуха ударилась о твёрдый пол, и кровь сразу же показалась на лбу. Он не успел даже крикнуть, как потерял сознание.

Евнух выглядел ужасно: его одежда была изорвана кнутом, куски ткани висели на нём, а зелёный придворный костюм был пропитан слоями крови, которая уже успела засохнуть, превратившись в тёмно-красные пятна.

Цзеюй Лю, всё ещё сидевшая перед зеркалом, дрожала от страха. Она смотрела на мрачного Цзин Ни, её глаза полны ужаса, но она всё же попыталась улыбнуться.

— Сынок, что ты делаешь?

Цзин Ни усмехнулся и бросил серебряный флакон. Его сила была нечеловеческой, и флакон разбился о пол, рассыпав странного цвета порошок.

— Ты подсыпала мне яд? — спросил он, каждый звук его голоса звучал как скрежет зубов.

Цзин Ни приказал слугам подтащить евнуха, который тайно подсыпал ему яд, к Цзеюй Лю. Его лицо исказилось от гнева, а глаза постепенно становились кроваво-красными.

Зная, что это признак его ярости, Цзеюй Лю вскрикнула и попыталась убежать, но обнаружила, что её окружили несколько высоких слуг, не оставив ей шанса на побег.

Она отчаянно сопротивлялась, её тщательно покрашенные ногти были сломаны, а глаза полны страха. Глядя на Цзин Ни, который выглядел как кровавый демон, она вдруг заплакала и

умоляла:

— Сынок, это Драгоценная наложница Юй заставила меня. Если бы я не сделала, как она сказала, мы бы не выжили.

Нынешний император не назначил императрицу, и Драгоценная наложница Юй, мать третьего принца, была самой влиятельной в гареме. Более того, император не проявлял интереса к гарему, и её власть только росла, достигнув невероятных высот.

Не говоря уже о том, что так мало принцев и принцесс смогли родиться и вырасти, во многом благодаря её усилиям.

Но даже с учётом этого, быть отравленным собственной матерью, независимо от причин, было невыносимо для Цзин Ни.

Он засмеялся, сел на большой деревянный стул, который принесли слуги, и посмотрел на Цзею Лю, лежащую на полу. Последние остатки привязанности в его глазах исчезли.

— Что ты мне подсыпала?

Цзею Лю, от природы трусливая, не смогла устоять перед угрозами Драгоценной наложницы Юй и отравила Цзин Ни на протяжении многих лет. Теперь, испуганная его гневом, она дрожала и не осмелилась скрыть правду.

— Кровавого Асуру.

— Кровавого Асуру?

Цзин Ни повторил эти слова, и они звучали как приговор.

<http://bllate.org/book/16771/1563752>